

Глава 1.

- Бабушка, а Чика дома?
- Да во дворе скорее всего, я его не давно видела.

Света вышла из дома. Она всегда удивлялась, полдевятого, а здесь уже кромешная темнота, когда как в Москве в это время солнце только собирается на отдых.

Света с мамой переехали из Москвы в деревню два года назад. Ирина, мама Светы, приняла это решение, т.к. ее отец уже более пяти лет как ушел в монастырь, и Валентина Сергеевна жила одна. Она очень переживала по поводу решения мужа принять постриг и оставить семью. Дочка видела эти переживания, поэтому и приняла решение хоть на какое-то время, а может, и на всегда переехать в станицу. Год назад они совместно решили, и мама купила породистого кота, которого назвали Чика.

Это был очень своенравный кот. Он не любил кошачьи ласки и только Свете позволял понежиться с ним. В деревне он показал себя достаточно свободолюбивым и смелым котом. Он не стал отсиживаться дома, а практически сразу пошел исследовать местный периметр.

- Кыс-кыс-кыс... Чика, Чика! Чика, Чика, Чика!

Сразу за воротами двора, метров через пятнадцать, проходила сельская трасса. Но ввиду того, что на ней не было «лежачих полицейских», ночью она превращалась в трассу Формулы-1, т.к. даже

местный жигуленок древнего года с заходом солнца становился – болидом. Трасса была ровной, с протяженностью около 3 км по прямой, поэтому несостоявшиеся гонщики, подпитая молодежь носились по ней как в последний раз.

Вдруг Свете послышалось короткое мяуканье за забором. У нее кольнуло в груди. Она знала, сколько утром на дороге находят сбитых собак и кошек. Она пробежала через двор и открыла калитку.

– Чика, Чика!

В ответ послышался знакомый звук. Она приоткрылась, кот сидел на дороге и пристально рассматривал раздавленную ящерицу. Как вдруг справа послышался рев двигателя, и два белых глаза стали освещать дорогу. Машина приближалась. Света бросилась к коту, сдерживая крик: «Чика, Чика...» Она боялась напугать кота. И вот она уже в метре от него, как вдруг два «белых глаза» оказались здесь же...

Глава 2.

– Валь, Серега позвонил, мне надо его подменить сегодня в ночную.

– Опять! – негодовала Валентина. – Сколько они на тебе ездить будут, ты мужик или кто? Когда-нибудь «нет» можешь сказать?

– Валь, ну что ты начинаешь, это же друзья! А Серега приболел что-то.

– Знаю, как он болеет. Ты сам то до утра пил, пьяный еще!

– До вечера отойду.

– Ой, ну тебя, – негодовала Валентина.

Последнее время Рома, супруг ее, стал часто «закладывать». Вроде все было как у всех. И она с ним могла выпить. Но раньше это было по выходным, потом добавились срединедельные посиделки, а затем и каждый вечер на ужин для здоровья. Только ужин перерастал зачастую в завтрак.

У Романа в планах было поменять работу, сделать ремонт в доме, построить новый сарай для живности. Но все это постепенно стало уходить в небытие, не говоря уже о близости с супругой, а ведь они хотели детей, но господь пока не давал им их. Так считала Валентина.

– Доброго дня вам, соседи, – заходя во двор, сказал Константин Иванович.

Это был мужчина лет пятидесяти, вдовец. Очень добрый и радушный сосед. С Ромой он выпивал редко, а если и сидели, то Рома отрубался

быстро, и Валентине приходилось оставаться с Константином Ивановичем. Но он всегда был деликатен, помогал даже со стола прибрать и мужа до дивана дотащить. Пьяного мужа Валентина с собой не клала, перегар, храп, не любила она этого.

Как-то раз после очередной помощи Константина Ивановича, когда Роман уже был глубоко в сетях Морфея, сосед перед уходом обронил:

– Валь, может, кофейком угостишь, не могу я уже смотреть на эту «белую отраву».

После фразы «не могу смотреть на белую отраву» Константин Иванович увидел маленькую искру в глазах Валентины, он все делал верно, давил на правильные «кнопки» женской психологии.

– Ну хорошо. Только у нас растворимый, – смущенно ответила Валя.

– Ничего страшного, от такой хозяйки и яда можно принять, – улыбнулся сосед.

Щеки Валентины вспыхнули краской, ей стало неудобно. Непонятное, забытое чувство неловкости проснулось в ней.

– Простите, Валентина, вырвалось. Если хотите, я уйду.

– Да пейте уже, раз напросились.

Она пыталась показать все свое равнодушие, но не очень получалось, и Константин Иванович это видел.

– Да-а, представляю, как тяжело тебе бывает порой. У меня жена так же пила. Я все для нее старался сделать, но она жила своей жизнью.

— У вас... — Валентина стала заикаться. — Жена...

— Да-да, Валь, твоя ситуация мне знакома. Я сейчас пойду, но знай, если что нужно, я всегда тебе помогу. И Роме не надо об этом говорить, зачем?

Он хитро улыбнулся. Или это была добрая улыбка, Валентина не могла разобраться, что-то непонятное появилось у нее в душе или в голове, или и там и там... Эту ночь она спала плохо, перед глазами постоянно был образ Константина Ивановича.

Роман проснулся в районе трех дня. Невыносимо давило виски, а сухость во рту просто не давала жить, не то чтобы спать. Аккуратно встав с постели, так, чтобы не лопнули сосуды в голове, а по ощущениям это так и было, он подошел к крану. Вдруг живущий в нем второй Рома напомнил ему, что в холодильнике, у задней стенки стоит бутылка пива. Холодная, резкая, с живительной влагой. Но трезвый ум вступил в единоборство со второй личностью:

— Не надо, Ром, попей воды, выпей цитрамона, приляг, вечером за руль.

— От бутылки пива ничего не будет. Сушняк собою, и спать, как ты и говорил, а вечером на работу. Все норм будет. Так даже легче для здоровья.

Убедивший себя одной из сторон, Роман открыл холодильник с тревогой в душе, вдруг Валя подчистила все... Но нет, стояла родимая. Непонятно откуда взявшийся в сухом рту, образовался комочек